

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

No. 1 (1) 2020

www.isca.kz

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 1 (1) 2020

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan
Muminov A.K.
Samashev Z. S.
Abuseitova M. K.
Sabitov Zh. M.
Golden Peter B.
Kradin N.N.
Erdélyi István
Uzelac
Aleksandar
Mirgaleev I. M.
Zaytsev I. V.
Petrov P.N.
Nagamine
Hiroyuki

Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
PhD in Political Science (Kazakhstan)
Dr., Professor (USA)
Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
PhD in History (Serbia)

Candidate of Historical Sciences (Russia)
Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Candidate of Historical Sciences (Russia)
PhD in History (Japan)

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia

Owner: International Science Complex Astana
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

EDITOR'S COLUMN M.

Y. Shaikhutdinov PROSPECTS OF KAZAKHSTAN'S MEDIEVAL STUDIES: TO THE PROBLEM STATEMENT.....	4
--	---

ETHNOGENESIS. ARCHEOLOGY. LINGUISTICS

N. I. Egorov ACTUAL PROBLEMS OF TURKIC PALEOHISTORY: PROTO-LANGUAGE, PROTO-ETHNOS, AND ANCESTRAL HOMELAND PART ONE	18
Aleksandar Uzelac NOTES ON THE CAPTURE OF WILLIAM BUCHIER BY THE MONGOLS in HUNGARY	27
Ya. V. Pylypchuk SABIRS AND PROTO-HUNGARIANS: IS IT POSSIBLE IDENTIFICATION?	35

HISTORY OF JUICHI ULUS M.T.

Laumulin THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN ORIENTALISM: A BRIEF OUTLINE.....	50
Zh. M. Sabitov KAZAKHSTAN HISTORIOGRAPHY OF STUDYING THE HISTORY OF JUCHI ULUS	74
A.V. Parunin SHIBANIDES AND TUKA-TIMURIDES IN THE MIDDLE OF THE 15TH CENTURY: ABU-L-HAIR-KHAN WAR WITH MAHMOUD AND AHMAD.....	84
A. A. Porsin ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"	95
Yu. V. Seleznev PRINCE KOTYAN AND EPIC MEMORY ABOUT HIM.....	112
Yu. S. Khudyakov THE ROLE OF ANCIENT TURKS IN THE DEVELOPMENT OF MILITARY AFFAIRS OF MEDIEVAL CENTRAL ASIAN NOMADS.....	120
L. A. Bobrov, A. K. Kushkumbayev THE SABER OF THE MONGOL TIME FROM AKMOLA REGIONAL HISTORICAL AND LOCAL MUSEUM.....	122
Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko BONE ARROWS' TIPS FROM EXCAVATIONS AT THE BURIAL GROUND ULUG-CHOLTUH.....	133

NOTES ON THE CAPTURE OF WILLIAM BUCHIER BY THE MONGOLS in HUNGARY

Aleksandar Uzelac
Belgrade, Serbia

Abstract. In 1254, during his stay at Karakorum, Franciscan traveler William of Rubruck met Parisian born mastersmith William Buchier. Rubruck recorded that Buchier was captured in Hungary, during the Mongol invasion, by a half-brother of the Great khan *Möngke* (1251–1259), in a city called ‘Belegrave’. So far, the identification of the Mongol commander who had captured William Buchier largely remained out of the interest of the researchers. The city where he had been taken captive was frequently, and erroneously, identified as Belgrade, capital of modern Serbia. This article is dedicated to the subject “who was the half-brother of Möngke that captured William Buchier, and where and when it happened”. On the basis of the Rubruck’s report and other western and oriental sources related to the Mongol military campaign in central Europe, it is concluded that Buchier was captured by prince Böček in Alba Iulia (*Gyulafehérvár, Bălgrad*), modern Romania, in the early spring of 1241.

Keywords: William Buchier, William of Rubruck, Böček, Mongol invasion of Hungary, 1241, Belgrade, Alba Iulia, *Székesfehérvár*, Mongol captives

Introduction. In his itinerary to the court of Great Khan Möngke (1251–1259), Franciscan traveler William of Rubruck described how he encountered in Karakorum a small colony of Mongol captives from Hungary. The most prominent among them was a Parisian born mastersmith William Buchier (‘Willelmus nomine, oriundus Parisius; cognomen eius est Buchier’). According to Rubruck, Buchier was captured during the Mongol invasion, “by one of the khan’s brothers on the father’s side, in a city called Belegrave, in Hungary, where there was a Norman bishop from Belevile, near Rouen, along with a nephew of the bishop, whom I saw there in Karakorum” [15, p. 234; 41, p. 223–224; 44, p. 287]. Afterwards, Buchier distinguished himself in the court of Möngke and he made a marvelous tree-shape fountain of alcoholic beverages for the khan.

Destiny of William Buchier and the fate of other Mongol captives from central Europe, which Rubruck recorded, are important for historians due to numerous reasons. It offers vivid insight into the presence of newcomers from Western Europe in the urban centers of medieval Hungarian kingdom and reveals the Mongol treatment of their captives during and after the Western campaign. Therefore, it is not surprising that Buchier, and his fountain in Karakorum, became an object of several studies [16, p. 143–146; 27; 33, p. 123–128; 39].

Equally intriguing information, about master William’s place of residence in Hungary was not left aside. The name ‘Belegrave’ was correctly emended as ‘Belgrade’, and since the pioneer work on Mongol History by baron Abraham Constantine Mouradgea d’Ohsson [9, p. 305], commentators and translators of the Rubruck’s report identified it with the namesake city at the confluence of the Sava and Danube rivers, the modern capital of Serbia [15, p. 468; 40, p. 223; 41, p. 224; 44, p. 287]. Recently, the information about the capture of master William was also acknowledged in Serbian historiography as an important information related to the history of Belgrade in the thirteenth century [30].

However, the identification of Rubruck’s ‘Belegrave’ with Belgrade in Serbia is faced with many difficulties. Some scholars, among them prominent French orientalist Paul Pelliot, expressed doubts in such identification [28, p. 199]. Moreover, Romanian historian Aurelian Sacerdoteanu suggested that Buchier was actually captured in Alba Iulia, Transylvania [34, p.

277–279], and such identification is also sometimes present in the works of Hungarian or Romanian historians [38, p. 318–319; 39, p. 79].

On the following pages, our intention is to return to this issue once more. Besides the master William's residence in Hungary, the attention will be focused to the identification of his captor. The latter issue, inseparably tied with the former, is less complicated. Nonetheless, with an exception of a short remark made by English orientalist John Andrew Boyle [1, p. 269; 4, p. 147], it was left on the margins of researches. Therefore, we will first discuss who was the unnamed "khan's brother on the father's side" who captured William Buchier in Hungary.

Discussion. William of Rubruck did not record the name of the Mongol commander who captured Buchier, but the information he provided is sufficient to identify him. Rubruck stated that "Möngke has eight brothers, three by the same mother and five on the father's side only" [15, p. 233; 41, p. 223–224; 44, p. 287]. This statement is in accordance with Chingisid genealogies recorded in oriental sources. It is known that Tolui, the youngest son of Chingis Khan, and his chief wife Sorkaktani Beki had besides, Möngke, three more sons who gained a fame in the Mongol history: Kubilai, Hülegü and Arik Böke. Persian historian Ata-Malik Juvayni (1226–1283) mentions that Tolui had four more descendants: Möge, Böček, Sögetü and Sübedei [1, p. 571], while his compatriot and contemporary Rashīd al-Dīn (1247–1318) adds another two: Jorike, and Kutuktu, stating that the former died young without descendants [31, p. 104–107]. All of them, except Jorike, are also enumerated as Tolui's sons in Yuán Shǐ, official history of the Mongol dynasty in China [18, p. 88–89]. Therefore, it is certain that five half-brothers of Möngke that Rubruck had in mind were Möge, Böček, Sögetü, Sübedei and Kutuktu.

According to Rashīd al-Dīn, just one of them took part in the Mongol campaign in the West (1236–1242). It was Böček [31, p. 37]. His participation in the campaign is confirmed by John of Plano-Carpini and his companion monk C. de Bridia [20, p. 18; 44, p. 69], but also by a number of Slavic and oriental sources. As sources do not mention any other brother or half-brother of Möngke in these events, it is certain that the Mongol prince, who captured William Buchier, was indeed Böček.

Böček's activities in the Western campaign also deserve a mention here. According to Juvayni, Böček assisted his brother Möngke in the subjugation of Cumans on the middle Volga in 1237. Allegedly, he was the one who personally slew Cuman leader Bachman, per Möngke's orders [1, p. 553–554]. Two years later, together with princes Shiban and Büri, Böček led a Mongol army to the Crimean Peninsula [31, p. 39]. In 1240, according to Hypatian Chronicle and Rashīd al-Dīn, he took part in the siege and conquest of Kiev [29, p. 785; 31, p. 45]. His achievements in the campaigns against Rus' are also mentioned in the Secret History of the Mongols [42, p. 208].

In late winter / early spring of 1241, when the Mongol invasion of Hungary commenced, Böček was placed at the command of the left wing of the army. According to Rashīd al-Dīn, he passed through the land of Qaraulaq/Wallachia and clashed with local populations of Ulaq/Vlachs [7; 31, p. 45; 35, p. 431]. From there, he penetrated the Carpathian Mountains and entered Transylvania. Besides Rashīd al-Dīn, the passage of his detachment is confirmed by a letter of the Hungarian king Bela IV (1235–1270), sent to pope Innocent IV (1243–1254) in 1247. In the letter, Bela IV stated that one Mongol army penetrated into Hungary at the place where he later settled Knights Hospitaller. Their settlement took place in the Land of Severin, in the "vicinity of Cumans and Bulgarians" on the opposite bank of Danube, according to the king's words [43, p. 208–211, 231]. Therefore, it can be concluded that Böček made his way to Transylvania through one of southwest Carpathian passes (either Vulcan or Mehadia), before he joined his forces with the main Mongol army in eastern parts of the Hungarian kingdom.

The short overview of Böček's movements in early 1241 casts doubts to the identification of Belegrove/Belgrade with the modern Serbian capital. Namely, Böček's

activities were limited to Wallachian plains and South Transylvania, far from Belgrade. Besides, neither written sources, nor archaeological findings, indicate that the Mongols crossed the Danube during 1241, and there is nothing to suggest that their operations in 1242 were carried further south than northern parts of the region of Syrmia (modern Srem) [19, p. 91–100]. Belgrade was out of the reach of Böček's detachment and all other Mongol armies in Hungary.

Second indication that Master William could not have been captured in Belgrade lies in the local political conditions, to which we also have to turn our attention. At the beginning of the thirteenth century, regions of Belgrade and Branichevo, on the right bank of the Danube, were the cause of discord between the two regional powers – Hungarian kingdom and Bulgarian empire. However, since the beginning of the reign of Ivan Asen II (1218–1241) they were under the Bulgarian control. In 1230, the Bulgarian ruler issued his privilege to the traders from Dubrovnik, allowing them to freely conduct their operations in all his lands, including Belgrade and Branichevo [6, p. 30; 21, p. 58–59]. The Hungarian crown did not abandon its claims on the two border regions and two years later, it tried to reconquer the contested territories. The Hungarian attempts are reflected in a letter, written by Pope Gregory IX to bishop of Csanád in Hungary on March 21, 1232, when the pope requested that two Bulgarian Orthodox bishops of Alba (Belgrade) and Brandusium (Branichevo), who previously rejected the union with the Roman catholic church, should return to its arms [43, p. 103–104].

The Papal letter is frequently interpreted as an evidence of the establishment of Hungarian rule in Belgrade and Branichevo, but such interpretation is doubtful. The two orthodox bishops would be hardly able to resist the request for union if their seats were indeed occupied by Hungary. Even if Hungarian attempts to conquer territories south of the Danube were fruitful at that time, the changes were only of a temporary character [8, p. 134; 17, p. 146–148]. Namely, no other source indicates that Belgrade was a Hungarian city on the eve of the Mongol invasion. Quite the contrary, report of the eyewitness of these important events, Roger of Várad (today Oradea, Romania), suggests that the lands on the right bank of Danube remained in Bulgarian hands at the time of the Mongol invasion.

According to Roger's words, the Cumans, who were previously settled in Hungary, rose to arms in the early spring of 1241, after their leader Cuthen was murdered in Pest. They wrought havoc in the south parts of the country, descended to the region of Marchia, or western Syrmia and from there, according to his words, entered "Bulgaria" [19, p. 88–91; 32, p. 176–177; 45, p. 65]. Thus, from Roger's perspective, the rivers of Sava and Danube remained a border between Hungary and Bulgaria in 1241. The similar conclusion may be drawn from the contents of the above-mentioned letter of Bela IV from 1247, according to which, the right bank of Danube, opposite to Hungarian land of Severin belonged to Bulgaria. Evidently before the death of Ivan Asen II, and at the time of the Mongol invasion, Belgrade was not a Hungarian, but a Bulgarian city.

Finally, there is another convincing argument in favor of rejection of Belgrade as the residence of Master William. According to Rubruck, the city where he was captured was the episcopal seat of Roman Catholic church. In Belgrade, there was no Roman catholic bishop neither in 1232, when Gregory IX sent his instructions to the bishop of Csanád, nor immediately after the Mongol invasion. It was only in 1290, long time after the region fell out from Bulgarian rule that the Papal curia took decisive steps to establish a Roman catholic seat in Belgrade [11, p. 355; 25, p. 7–8; 43, p. 366].

Previous remarks related to Böček's activities, political situation and ecclesiastical conditions on the right bank of the Danube at the time of the Mongol invasion show that identification of Rubruck's 'Belegrave' with Belgrade in Serbia should be rejected. In order to find out where Master William was captured, we need to explore the other possibilities. Fortunately, there are only two other possible candidates for Rubruck's 'Belegrave' in the

medieval Kingdom of Hungary that can be taken into account: Alba Iulia in Transylvania, as proposed by Sacerdoteanu, and Székesfehérvár, southwest of Budapest. Namely, both cities are attested in the medieval sources under the Slavic name 'Belgrade', and both were attacked by the Mongols during their campaign in central Europe.

Székesfehérvár (literally "white castle with the seat"), founded by Hungarian grand prince Geza in late tenth century, was one of the most important urban centers of medieval Hungary. Alba Iulia, whose Hungarian name Gyulafehérvár (lit. "Gyula's white castle") was related to another Hungarian leader from the mid-tenth century, was chief political and ecclesiastical seat in the eastern parts of the Kingdom. Alba Iulia was probably attested under the Slavic form of its name for the first time in 1071, when "Frank, bishop of Belgrade" ('*Francone Bellagradensi pontifice*') is recorded [5, p. 587]. In the beginning of the twelfth century, sources mention certain '*Vincurius comes Bellegratae*' in Hungary [14, p. 103], whose possession, according to prevalent opinion, should also be equated with Alba Iulia. Nonetheless, it is possible that the domain of Vincurius was Székesfehérvár.

For the travelers and chroniclers of the early Crusades, the name 'Belgrade' was frequently pertaining to Székesfehérvár. The city is recorded as 'Belegrave' by chronicler Albert of Aachen, with respect to the passage of the Crusaders through Hungary in 1096 [2, p. 46–47]. Moreover, Odo of Deuil, who followed the French King Louis VII in the Second Crusade half a century later, stated that the city at the confluence of the Sava and Danube rivers is named "Bulgarian Belgrade", in order to distinguish it from the namesake city in Hungary ('*castrum attollit quod Bellagrava dicitur Bogarensis respectu cuiusdam quae in Hungaria est eiusdem nominis civitatis*') [24, p. 170–171; 26, p. 62]. In 1154, Arabic geographer from Sicily al-Idrisi also mentioned Székesfehérvár under its Slavic name B.l.g.rat.h [10, p. 58; 24, p. 171]. In his treatise, Alba Iulia is recorded as Wal.b.h [10, p. 62], which is probably nothing else than a corrupted form of its German name – *Weißenburg*. Székesfehérvár is once more recorded as '*castrum Belegrade*' in an ecclesiastical document from 1192 [12, p. 282]. These examples illustrate that the Slavic name has been used for both cities before the Mongol invasion, but more frequently for Székesfehérvár. Alba Iulia is again recorded as 'Belgrad' in the sixteenth century [23, p. 36; 36, p. 29], and judging from the frequency of the name occurrence, Székesfehérvár may seem as more likely candidate of Master William's residence.

However, such conclusion would be premature. Although both cities were attacked by the Mongols, they did not share the same destiny. During the Mongol invasion, Alba Iulia was destroyed and raised to the ground. As an eyewitness, Roger of Várad left a vivid description of its state after the Mongol withdrawal: "there we found noting save the bones and skulls of the dead, the destroyed and broken walls of basilicas and palaces, soiled by the blood of an enormous numbers of Christians. The earth did not show the blood of the innocent, for it had absorbed it inebriated, but the stones were still cloaked with crimson blood..." [32, p. 224–225].

Székesfehérvár faced the Mongol attack in early 1242. Another contemporary chronicler, Thomas of Spalato (Split), recorded that the leader of the attack was Kadan, son of Great Khan Ögedei (1229–1241). According to his description, after the fall of Esztergom, Kadan marched straight to Székesfehérvár and "immediately on arrival, burnt down all the dwellings outside the walls. He then laid siege to the city, and for several days did his best to attack and storm it. But the site was surrounded by marshes and quite well protected, and there was a very effective garrison of Latins, who had built engines of war to defend it. So, the unholy leader was forced to retire in frustration" [3, p. 288–291].

Unlike Alba Iulia, Székesfehérvár resisted the Mongol onslaught. Besides, the latter city was not attacked by Böček, but by Kadan. In addition, similarly to Belgrade, Székesfehérvár was also not an episcopal seat of the Roman Catholic Church. Despite its political significance, during the Middle Ages, it was subjected to the bishopric of Veszprem [37, p. 209]. All three

arguments are quite convincing in favour of rejection of Székesfehérvár as a place where master William was captured by prince Böček, together with a nephew of the local bishop.

On the other hand, Alba Iulia perfectly fits into all previously discussed details. The city was evidently known as “Belgrade” in the Middle Ages, it was the episcopal seat of Transylvania, it was conquered by the Mongols and finally, its location suggests that it lied along the way of Böček’s detachment after it crossed the Carpathians from Wallachia. The evidence at our disposal is sufficient to conclude, without any doubt, that ‘Belegrove’, the city where William Buchier fell in the Mongol hands, was Alba Iulia.

It needs to be added that, at the time of the Mongol invasion, the bishop of Alba Iulia and diocese of Transylvania was certain Raynald. He was posted at the office before 1222 [13, p. 374; 22, p. 346–347]. He was among those perished in the battle of Muhi, on April 11, 1241, when the Mongol forces utterly crushed the army of Bela IV [32, p. 186–187]. Obviously, Raynald was none other than “Norman bishop from Belevile, near Rouen”, recorded in the itinerary of William of Rubruck.

Conclusion. Despite the extent of destruction Alba Iulia suffered, not all of its residents perished in the Mongol onslaught. Besides Master William, the nephew of bishop Raynald was also captured by Böček. Probably, other captives from Hungary that formed the small western colony in Karakorum at the time of Rubruck’s travels, were also taken in Alba Iulia, or in other neighboring Transylvanian towns.

More than a decade later, Rubruck met William Buchier in Karakorum, and heard from him about his capture and the subsequent fate. Thus, it is known that Böček, “gave Master William to Möngke’s mother (Sorkaktani), since she strongly insisted on having him; and after her death Master William devolved upon Ariq Böke together with everything else that belonged to his mother’s residence. And by him he was brought to the notice of Möngke, who after the completion of the work bestowed on the master smith one hundred iascot (ingots of silver), namely a thousand marks” [15, p. 234; 41, p. 224; 44, p. 287–288].

In such a way, William Buchier, experienced French mastersmith, captured in the spring of 1241 in Transylvanian city of Alba Iulia by Böček, brother of the future great khan Möngke, made a fortune in the capital of the Mongol empire.

ПРИМЕЧАНИЯ О ПЛЕНЕНИИ ГИЙОМА БУШЕ МОНГОЛАМИ В ВЕНГРИИ

Александар Узелац

PhD, Старший научный сотрудник, Институт истории, Белград, Сербия

e-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Аннотация: В 1254 г., во время своего пребывания в Каракоруме, францисканский путешественник Гийом Рубрук встретил Гийома Буше, французского мастера который родился в Париже. Согласно Рубруку, Буше был захвачен в Венгрии во время монгольского нашествия сводным братом великого хана Мунке (1251–1259) в городе «Белеграве». До сих пор, идентификация монгольского полководца, который захватил мастера Гийома, в значительной степени оставалась вне внимания исследователей. С другой стороны, город, в котором он был захвачен, часто ошибочно идентифицируется как Белград, современная столица Сербии. Данная статья посвящена следующим вопросам: кто был сводным братом Мунке, который захватил мастера Гийома, и где и когда это произошло. На основании сведений Рубрука и других западных и восточных источников, связанных с монгольской военной кампанией в центральной Европе, в статье

сделан вывод, что Буше был захвачен принцем Бучеком в городе Альба-Юлия (Дьюлафехервар, Белград), современная Румыния, ранней весной 1241 г.

Ключевые слова: Гийом Буше, Гийом Рубрук, Бучек, Монгольское вторжение в Венгрию, 1241 г, Белград, Алба-Юлия, Секешфехервар, монгольские пленники

REFERENCES

1. ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini. *Genghis Khan – The History of the World Conqueror*, ed. & trans. J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxvii + 763 p.
2. Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana – History of the Journey to Jerusalem*, ed. & trans. S. Edington. Oxford: Clarendon Press, 2007. xli + 949 p. (In English and Latin)
3. *Archdeacon Thomas of Split History of bishops of Salona and Split / Thomae archidiaconi Spalatensis Historia Salonitarum atque Spalatinorum Pontificum*, eds. & trans. O. Perić, D. Karbić, M. Matijević-Sokol and J. R. Sweeney. Budapest – New York: Central European University Press, 2006. xxxv + 404 p. (In English and Latin)
4. Boyle J. A. On the Titles Given in Juvainī to Certain Mongolian Princes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1956, no. 19, pp. 146–154.
5. Chronicon S. Huberti Andaginensis, eds. L. C. Bethmann & W. Wattenbach. *Monumenta Germaniae historica, Scriptores*, vol. 8. Hannoverae: impensis bibliopolii A. Hahniani, 1848, pp. 565–630. (In Latin)
6. Daskalova A. & Raykova M. Gramoti na balgarskite care. Uvod, tekstove, rechnik [Charters of Bulgarian Emperors. Introductions, Text, Glossary]. Sofia: Academic publishing “Prof. Marin Drinov”, 2005. 432 p. (In Bulgarian)
7. Decei A. L’invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi ot-Tevārīkh de Fāzl ol-lāh Rāšīd od-Dīn. *Revue Roumaine d’Histoire*, 1973, no. 12, pp. 101–121. (In French)
8. Dimitrov H. *Balgaro-ungarski otnosheniya prez srednovekovieto* [Bulgarian-Hungarian Relations in the Middle ages]. Sofia: Academic publishing “Prof. Marin Drinov”, 1998. 417 p. (In Bulgarian)
9. d’Ohsson M. *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu’a Timour bey ou Tamerlan*, vol. 2. Amsterdam: Frederik Muller, 1852. 651 p. (In French)
10. Elter I. Magyarország Idrīsī földrajzi művében (1154) [Hungary in the Geographical Treatise of Idrīsī (1154)]. *Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*, 1985, no. 82, pp. 53–63. (In Hungarian)
11. Eubel C. *Hierarchia Catholica Medii Aevi*, vol. 1. Monasterii: sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1913. 558 p. (In Latin)
12. Fejér Gy. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, vol. 2. Budae: Typis typographiae regiae universitatis Ungaricae, 1829. 464 p. (In Latin)
13. Fejér Gy. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, vol. 3/1. Budae: Typis typographiae regiae universitatis Ungaricae, 1829. 480 p. (In Latin)
14. Gaufredo Malaterra, *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi Ducis fratris eius*, ed. E. Pontieri. Raccolta degli storici italiani, vol. 5/1, Bologna: N. Zanichelli, 1928. 172 p. (In Latin)
15. Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itinerarium)*, ed. P. Chiesa. Milano: Fondazione Lorenzo Valla, Mondadori, 2011. xcvi + 530 p. (In Latin and Italian)
16. Guzman G. European Captives and Craftsmen Among the Mongols, 1231-1255. *The Historian*, 2010, no. 72, no. 1, pp. 122–150.
17. Gyuzelev V. *Papstvoto i balgarite prez srednovekovieto* [The Papacy and Bulgarians in the Middle Ages]. Plovdiv: Bulgarian Historical Heritage, 2009. 487 p. (In Bulgarian)

18. Hambis L. *Le Chapitre CVII du Yuan Che*. T'oung Pao, 1945, suppl. of no. 38. Leiden: Brill, 1945. xii + 181 p. (In French)
19. Hardi Đ. Cumans and Mongols in the Region of Srem in 1241-1242: A Discussion on the Extent of Devastation. *Istraživanja. Journal of Historical Researches*, 2016, no. 27, pp. 84–105.
20. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi*, ed. A. Önnersfors. Berlin: Walter de Gruyter 1967, x + 44 p. (In Latin)
21. Kalić-Mijušković J. *Beograd u srednjem veku* [Belgrade in the Middle ages]. Belgrade: Serbian Literary Guild, 1967. 503 p. (In Serbian)
22. Kiss G. 11–13. századi magyar főpapok francia kapcsolatai [French relations of the Hungarian prelates in the eleventh – thirteenth centuries]. *Francia–magyar kapcsolatok a középkorban [French-Hungarian relations in the Middle Ages]*, eds. A. Györkös & G. Kiss. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2016, pp. 341–350. (In Hungarian)
23. Kristó, Gy. A Kárpát-medence -grad~ -grád utótagú helyneveiről [About the Carpathian toponym suffixes -grad~ -grád in the Carpathian Basin]. *Névtani Értesítő* [Onomastic Report], 1986, no. 11, pp. 31–41. (In Hungarian)
24. Kristó Gy. Székesfehérvár legkorábbi nevééről [The Earliest name of Székesfehérvár]. *A székesfehérvári Boldogasszony bazilika történeti jelentősége* (Közlemények Székesfehérvár város történetéből) [Historical Significance of the Basilica of Virgin Mary in Székesfehérvár (From the History of the city of Székesfehérvár)], ed. G. Farkas. Székesfehérvár: Neményi Zsolt 1996, pp. 163–179. (In Hungarian)
25. Mitrović K. & Koprivica M. Beogradsko-mačvanska episkopija između pravoslavlja i katoličanstva (XI – prve decenije XIV veka) [Belgrade-Machva Bishopric between Orthodoxy and Roman Catholicism (11th – First Decades of 14th Century)]. *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor* [Contributions for Literature, Language, History and Folklore], 2016, no. 82, pp. 3–18. (In Serbian)
26. Odonis de Deogilo *Libro de via sancti sepulchri*, ed. G. Waitz. *Monumenta Germanie historica, Scriptores*, vol. 26. Hannoverae: impensis bibliopoliii A. Hahniani, 1882, pp. 59–73. (In Latin)
27. Olschki L. *Guillaume Boucher: A French Artist at the Court of the Khans*, Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1946. viii + 125 p.
28. Pelliot P. *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*, vol. 1, ed. J. Dauvillier. Paris: Imprimerie nationale, 1973. 307 p. (In French)
29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. vol. 2: *Ipat'evskaya letopis'* [A Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 2: Hypathian Chronicle]. Sankt-Peterburg: typography of M. A. Aleksandrov, 1908. 937 p. (In Old Russian)
30. Radić R. & Korać D. Beogradski Parižanin na dvoru mongolskog kana [A Belgrade Parisian at the Court of a Mongol khan]. *Slovensko srednjovekovno nasleđe. Zbornik posvećen Đorđu Trifunoviću* [Slavic Medieval Heritage. Proceedings dedicated to Đorđe Trifunović], eds. Z. Vitić, I. Špadijer & T. Jovanović. Belgrade: Čigoja štampa, 2002, pp. 493–503. (In Serbian)
31. Rashid ad-Din Fazlallah. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles], vol. 2, eds & trans. Yu. P. Verhovskij & B. I. Pankratov. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1960. 214 p. (In Russian)
32. Rogerius / Master Roger. Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destruction Regni Hungarie per tartaros facta, trans. J. M. Bak & M. Rady. *Anonymus and Master Roger*. Budapest - New York: Central European University Press, 2010, pp. 132–231. (In Latin and English)

33. Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001. 161 p.
34. Sacerdoteanu A. Guillaume de Rubrouck et les Roumains au milieu du XIIIe siècle. *Mélanges de l'Ecole roumaine en France*, 1929, no. 2, pp. 159–335. (In French)
35. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, 2003. 546 p.
36. Suciuc C. *Dictionar istoric al localităților din Transilvania*, vol. 1. Bucharest: Academy of the Socialist Republic of Romania, 1967. 431 p. (In Romanian)
37. Szakács B. Z. Town and Cathedral in Medieval Hungary. *Hortus artium medievalium*, 2006, no. 12, pp. 207–220.
38. Szende L. Francia kézművesség az Árpád-kori Magyarországon [French Handicrafts in the Árpadian era in Hungary]. *Francia-magyar kapcsolatok a középkorban* [French-Hungarian relations in the Middle Ages], eds. A. Györkös & G. Kiss. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2016, pp. 315–326. (In Hungarian)
39. Tatár S. The Iconography of the Karakorum Fountain. *Life and Afterlife & Apocalyptic Concepts in the Altaic World*, eds. M. Knüppel & A. van Tongerloo. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011, pp. 77–105.
40. *The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253–55, as narrated by himself, with two accounts of the Earlier Journey of John of Plan de Carpine*, ed. & trans. W. W. Rockhill. London: Hakluyt Society, 1900. xii + 304 p.
41. *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke 1253–1255*, ed. & trans. P. Jackson & D. Morgan. London: Hakluyt Society, 1990. 312 p.
42. *The Secret History of the Mongols*, ed & trans. I. De Rachewiltz, Leiden – Boston: Brill, 2006. cxxvi + 642 p.
43. Theiner A. (ed.) *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, vol. 1. Osnabrück: Otto Zeller, 1968. 837 p. (In Latin)
44. van den Wyngaert A. (ed.) *Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaracchi – Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1929. 637 p. (In Latin)
45. Vasary I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.

Information about the authors:

Aleksandar Uzelac, PhD (History), Senior Research Associate, Institute of History, Belgrade (36/II Kneza Mihaila Str., 11000 Belgrade, Serbia); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928>. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

IRSTI 03.81.35:

САВИРЫ И ПРОТОВЕНГРЫ: ВОЗМОЖНО ЛИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ?

Я.В. Пилипчук

Киев, Украина

Аннотация. Цель - проанализировать сведения археологических исследований о угорских этнических группах Западной Сибири и Приуралья. Материалы исследования. Письменные источники (преимущественно античные и византийские), а также археологические и лингвистические исследования. Результаты и научная новизна. Саргатцы были большой общностью племен разного этнического происхождения -угорского и иранского. Они доминировали над соседними как кочевыми, так и оседлыми племенами, в Западной Сибири и были опасными соседями саков и сарматов. Миграция части саргатцев в I-II в. н.э. в Среднее Поволжье привела к ряду трансформаций в этнической и социальной истории этого региона. Саргатское влияние ощутили, как волжско-финские племена в общем, так и, в частности, древнемордовское население. Крушение саргатской культуры произошло во время миграций хуннских племен и образования гуннского этноса. Часть саргатцев была включена в состав гуннского союза племен и стала известна современникам как сабиры. Они подверглись сильной огуризации. Протовенгры не были савирами, а всего лишь их родственниками. Огурическое влияние было заметно и на древних венграх. Часть саргатцев в IV-VI вв. переселилась в район Приуралья и Прикамья. Несмотря на тесные связи и сабиров, и протовенгров с тюрками отождествлять их между собой не можно. Несмотря на тесные связи и сабиров, и протовенгров с тюрками отождествлять их между собой не можно.

Ключевые слова: угры, протовенгры, Саргатская культура, саргатцы, сабиры, огуры.

Введение. Одним из интереснейших вопросов истории евразийских степей является вопрос касательно древнейшей истории венгров. Данная проблема исследована пока недостаточно. Это связано в первую очередь с фрагментарными данными письменных источников. К тому же этническая интерпретация археологами некоторых археологических культур дает порой взаимоисключающие мнения. Нам необходимо ответить на вопрос каким было самоназвание протовенгров и когда их потомки получили название мадьяр. Также необходимо разработать древнейшую хронологию венгерской истории для того, чтобы найти ответ на ряд проблемных вопросов. Сейчас А. Расторопов считает, что древним этноним венгров было савир (сабир) [42]. Но оправдано ли это тождество? Кроме того, стоит также выяснить какие миграции происходили в Волго-Уральском регионе и каким образом в них были задействованы саргатцы. Стоит также поставить вопрос о тождестве южноугорских групп с саргатцами и искать ответ возможно ли оно в принципе.

Обсуждение. Долгое время Западная Сибирь как прародина протовенгров не интересовала венгерских ученых. Н. Феттих связывал происхождение венгров с Минусинской котловиной, но это его мнение не согласовывалось ни с исследованиями археологов, ни с трудами лингвистов. Первым памятники зауральских угров с протовенграми отождествил А. Йожа. В середине XX века Д. Ласло поддержал его точку зрения. Идею о сибирской родине протовенгров сейчас развивает И. Фодор. П.Хайду напротив склонен говорить о приуральской родине венгров с I тыс. до н.э. И. Вашари описывая финно-угорские народы разделяет угорские народы на обских угров и венгров. Временем активного взаимодействия угров с иранцами А. Рона-Таш считает VIII-II в. до н.э. Выделение протовенгров венгерский исследователь относит к VIII-V в. до н.э.

Касательно сибирской прародины правенгров, то Л. Лигетти и И. Зичи считали, что она находилась между Ишимом и Тоболом. Такого же мнения придерживался Э. Мольнар. И. Фодор считает, что венгры были населением Саргатской культуры. Н. Матвеева считала, что это сообщество возглавляли иранцы. В. Могильников не возражал против такой возможности. Л. Кызласов вообще считал саргатцев самоедами. Нужно сказать, что В. Могильников локализовал территории саргатцев на берегах Тобола, Ишима, Иртыша, от Чанского озера на юго-востоке до тайги, от Уральских гор на западе до Барабинской степи на востоке. Это территория была плотно заселена. На территории саргатской культуры было 300 укрепленных городищ. И. Фодор связывает ее возникновение не только с уграми, но уверен в том, что среди саргатцев были древние венгры. Он считает, что первоначальной территорией обитания саргатцев были Северо-Восточной Казахстан и Западная Сибирь. Они там должны были жить VII в. до н.э. до VI в. н.э. В. Напольских считает, что праугры-манче ощутили влияние андроновской культуры и входили в круг андронидных культур и были знакомы с скотоводством. На рубеже II-I тыс. до н.э. носители андронидных культур смогли приспособиться к изменениям в климате и саргатско-гороховская общность в VI в. до н.э. уже выделилась в степной вариант. Саргатцы были степными коневодами. Нужно сказать, что саргатцы ощущали большое влияние со стороны соседей. В V-III вв. до н.э. они взаимодействовали с сакскими племенами, а позднее с сарматами. Касательно Притоболья, то саргатцы в V-IV вв. до н.э. вторглись в регион и вынудили выселиться из региона население гороховской культуры. Влияние хуннов на Саргатскую культуру мы можем наблюдать с III в. до н.э. Саргатцы жили в треугольнике бассейнов рек Омь, Тара и Иртыш. В погребениях саргатцев были вещи сарматского, хуннского и даже персидского происхождения. Там было много украшений и оружия. В памятниках саргатцев много хуннских изделий. Богатство населения Саргатской культуры делают возможным отождествление их с каким-то племенем из китайских источников. Так в китайской хронике «Саньго Чжи» упомянуто Уи-Бей-Го, которое торгует соболями. В памятниках же саргатцев находили шелк, который саргатцы могли получать от хуннов. Другая группа праугров-манче двинулась на север ассимилировав местное таежное западносибирское парауральское население [64, р. 103-114; 65, р. 200-203, 215-227, 318-320; 54; 53, с. 305-309; 35, с. 60-63; 7, Карта 3; 36, с. 195-202; 63, р. 242-243; 11].

На лесостепных пространствах Западной Сибири в VII-VI в. н.э. происходил процесс формирования саргатской культуры. Саргатская культура исчезла в IV-V в. н.э. в эпоху Великого переселения народов. Саргатцы заимствовали предметы вооружения у своих соседей. При этом они скорее, чем их степные соседи сарматы перенимали новинки в вооружении. Сложносоставной лук гуннского типа был им известен с III в. до н.э. Мечи и кинжалы без металлического перекрестья появились в II-I в. до н.э. Кроме того, саргатцы перенимали савроматские и сарматские типы вооружения. Ударной силой саргатцев были катафрактарии. В скифскую эпоху защитное снаряжение производилось из костяных и роговых пластин, которые связывались между собой. Саргатцы освоили кузнечную ковку разнородных полос металла. В сарматское время защитное снаряжение производилось из железа. Всадники были вооружены копьями и мечами. Всадники наносили удар копьем, держа его обоими руками. Особо страшной была внезапная атака катафрактариев или их удар сомкнутым строем. Важную роль у саргатцев играла легкая конница, которая засыпала врага стрелами. Сами по себе катафрактарии без поддержки легковооруженных лучников представляли бы удобную мишень. Саргатцы использовали кочевническую тактику подобную сарматской. Саргатское племенное объединение было значительным по площади и имело значительные экономические ресурсы. Саргатцы были многочисленны и были партнерами сако-усунских и сарматских племен. На севере саргатцам принадлежали земли вдоль Иртыша до самого устья Тобола, на юге же

простирались до жаркой ковыльной степи. Городища саргатской культуры находились на мысах, которые глубоко врезались в пойму и были хорошо укреплены ровами, тыном и земляными валами. На севере врагами саргатцев были носители кулайской культуры, которые были обскими уграми и прасамодийцами. В. Напольских считает кулайцев прасамодийцами, а население иткульской культуры обскими уграми. Из своей таяжской родины они делали набеги на лесостепные владения саргатцев. Для кулайцев были характерны укрепленные городища на мысах, а войско в основном состояло из пехотинцев. Кулайцы имели преимущество в бою в лесах, в степи же они были легкой целью для саргатцев и были куда хуже защищены (защитное снаряжение изготовлялось из кожи, рогов, дерева) и вооружены (лук был менее дальноточным и мощным, на вооружении были копья и клевцы). Ряд типов вооружения был привозными, а железное вооружение изготовлялось из болотных руд. Предки хантов и манси воевали против саргатцев. Однако они же и торговали между собой. Кулайцы продавали саргатцам посуду и фигурное литье. Кулайцев же интересовали предметы роскоши, которые получали саргатцы в результате походов и торговли. Тесными были связи саргатцев с иранским кочевым миром. Касательно же этнической интерпретации памятников саргатской культуры, то большинство исследователей считают саргатцев полиэтническими, в этногенезе которых большую роль сыграли угорский и иранский компоненты. Присутствие арийского компонента в составе саргатцев подтверждается данными одонтологических исследований. Так в языке венгров есть древнеиранские и аланские заимствования. Некоторые исследователи указывают еще и на самодийский компонент. И. Расторопов считает саргатцев протовенграми [11; 44; 29; 55; 21; 56; 35, с. 195-202; 42; 61, с. 214; 30; 52, с. 176-180; 51, с. 39-46]

Гунны в свое переселение на запад увлекли и соседние племена. И. Расторопов отождествляет саварти-асфалов Константина Багрянородного с протовенграми-сабирами. В ходе переселений, происходящих в II-V вв. н.э. на территории южной лесостепи и северной степи, складывается кушнарниковская культура носители которой были если не венграми, то их родственниками. Она сформировалась как осколок Саргатской культуры. Саргатские традиции продолжали и носители бакальской культуры. В V в. кушнарниковцы покидают земли в Западной Сибири и поселяются в Приуралье. Очевидно они, как и сабиры, были вынуждены мигрировать на запад под давлением кочевников. Саргатцы оказали влияние и на сложение потчевашской культуры в лесостепях Западной Сибири. И. Расторопов считает, что большая часть саргатцев была включена в состав гуннов. Западная же часть саргатцев мигрировала через Уральские горы в Кунгурскую лесостепь, в Прикамье в район реки Сылвы. И. Фодор считал, что древние венгры переселились в Приуралье, поскольку не хотели оказаться в зависимости от тюркютов. Н. Матвеева связывала исчезновение саргатской культуры с приходом тюрков и считала, что саргатцы жили в V в. на Тоболе. В. Могильников считал, что саргатская культура была уничтожена гуннами в эпоху Великого переселения народов. С потомками саргатцев он связывает Сылвенскую и Кушнарниковскую культуры. Правда при этом существует разрыв между саргатской и родственными ей культурами (с IV в. по VI в.). И. Эрдели и Б. Михай считают, что вследствие миграции хуннов на запад в II-IV в. саргатское население было или частично уничтожено, или подчинено. Те, кто не желал покоряться врагу, переселился за Уральские горы. Те, кто переселились в лесостепь, привели к крушению бахмутинской (мазунинской) культуры. Касательно пьяноборской культуры, то временем ее исчезновения традиционно считают II-IV вв. н.э. и очевидно она была уничтожена под давлением хуннов, ставших впоследствии гуннами. Нужно отметить, что часть пьяноборского населения мигрировала в пределы постгородских племен и повлияла на этногенез мордовских народов. Угры же принимали участие в

этногенезе и народов Прикамья. А. Нигамаев отмечал, что угорское камское население смешалось с пришедшими пермскими племенами. А. Иванов отмечал проникновение в район Чепцы угорского населения с Верхней Камы. В общем, с конца 50-х гг. XX в. и до сегодняшнего времени археологи спорят об угорском компоненте в составе населения ломоватовской культуры. Этот вопрос поднимали еще В. Генинг и В. Семенов. Их версию развивает Е. Казаков, который относил поломское население к уграм. Сейчас тезис о угорской принадлежности населения поломской, ломоватовской, неволинской культур находит сторонников в лице В. Иванова, А. Белавина, Н. Крыласовой. Им оппонируют В. Напольских, Р. Голдина и И. Пастушенко считая, что носители этих культур были пермоязычны. Нужно сказать, что в свое время сама Р. Голдина не исключала определенное угорское участие в этногенезе пермян, но указывала, что пришедшие из-за Урала угры в Пермском Предуралье ассимилировались. Если обратить внимание на то, что саргатцы в Сибири и венгры в их Волго-Уральской и причерноморской прародине жили в лесостепях и степях, то можно целиком резонно сделать вывод, что инфильтрация угров в среду населения лесной полосы Предуралья должна была быть минимальной. Мигранты-угры должны были превосходить пермян в военном отношении и навязать им свое политическое главенство. Через некоторое время угры в лесном Предуралье должны были ассимилироваться. В. Напольских на данный момент отрицает любое возможное влияние угров на пермян, отмечая только иранское, тюркское и славянское влияния. Он не считает, что правенгры или праугры-манче оказали на пермян влияние. Также была сторонницей пермской идентичности носителей чепецкой, харино-ломоватовской, поломской культур Л. Розенфельдт. Д. Шмуратко, например считает, что неволинская культура восходит к бахмутинской, мазунинской, турбаслинской и позднесарматской культурам. Курганы с территории Республики Коми близки к позднесарматским. В. Иванов, кстати, в 1999 г. был сторонником версии об пермской идентичности носителей поломской, неволинской и ломоватовской культуры. Однако под влиянием результатов последних раскопок он является убежденным сторонником угорской версии. Кроме этого, его в этом убеждают некоторые паралели между неволинцами и венграми эпохи Обретения родины. В. Кулешов отмечает, что следует отойти от линейного отождествления археологических культур с определенными этносами. Он также говорит о том, что в более близкое нам время разное население могло переходить на иной язык. Так, кочевники-угры переходили на тюркскую речь, земледельцы-коми – на русскую, оленеводы-ненцы – на пермскую. Нужно быть осторожным при лингвистической маркировке древних и средневековых обществ. Так пермские этнические элементы вошли в состав югорского общества в качестве нижнего яруса. В любом случае вопрос этнической принадлежности поломцев, неволинцев и ломоватовцев остается дискуссионным [64, р. 105, 113; 22; 39; 5; 10; 13, с. 270-368; 23, с. 19-38; 58, с. 105; 60, с. 71; 16; 12; 14; 15, с. 89-109; 26, с. 74-89].

Керамика саргатцев похожа на керамику кушнаренковцев и бакальцев. В памятниках Большеатарханского могильника древних венгров прослеживаются саргатские истоки. Это прекрасно согласуется с сведениями о переселениях огулов в этот период. Кушнаренковцы завоевали всю лесостепную и южную лесную зоны Приуралья. Остановить их продвижение смогли лишь именьковцы. Носители бахмутинской (мазунинской) культуры же были покорены пришедшими протовенграми. От всего ареала уцелел лишь малый анклав между реками Уфа, Белая и Бирь. Протопермское население было вынуждено сместиться, несколько западнее вошедши на позднегородецкие (древнемордовские) территории. С ним можно связать так называемый прикамский компонент в этногенезе мордвы. К сожалению, письменные источники немного пишут о тех же савирах до появления их на границах Византии и Ирана в VI в. Приск Панийский писал о них как о народе, который потеснил сарагуров и других огулов на запад. Сами же

савиры оказались под давлением абаров. Стефан Византийский называл савиров сапирами и считал их народом припонтийской области. Клавдий Птолемей упоминал о саварах как о народе Сарматии живущем ниже аорсов и пагиритов и тех, кто живет рядом с борусками около Рифейских гор. Нужно отметить, что античный географ лишь приблизительно знал географию региона. Константин Багрянородный оставил смутные сообщения касательно саварти-асфалов, которых считал родственниками венгров. Сведения о них коррелируют с данными о прикаспийских гуннах-савирах. Первое упоминание о венграх под этнонимом мадьяр мы имеем в X веке в арабских источниках. В византийских же источниках встречаются разные варианты названия венгров, например, турки и унгри. Медьер по Константину Багрянородного всего лишь одно из семи венгерских племен. Касательно этнонима унгри, то он впервые был использован в IX веке византийскими хронистами. В славянские источники он попал в XII в. Нестор в «Повести Временных лет» говорил о белых и черных уграх. Под именем белые угры у него упоминались оногуры, а под черными уграми – сами венгры. Нужно сказать, что современный термин угры, обозначающий языковую группу, к которой относились ханты, манси и венгры, изобретен лишь в XIX веке. Летописный же этноним угры мог быть производным от этнонима огур.

Стоит отметить, что тюрки имели большое влияние на формирование венгров. В частности, в венгерском языке много чувашизмов (булгаризмов). Их количество оценивают в 400-1000 слов. Однако булгаризмы есть и в хантыйском хотя их и заметно меньше (всего семь) чем в венгерском. Булгаризмы хантыйского восходят к северохантыйским и прахантыйским формам. Венгры на своей волжско-уральской прародине заметно трансформировались под влиянием тюркских соседей. Не случайно у Шимона Кезаи Хунор и Магор (Мадьяр) связывались между собой и считались братьями. Упомянут и аланский князь Дуло и сыновья Белара. По факту в легендах упоминались компоненты, принявшие участие в формировании венгерского этноса – собственно правенгерский, аланский и болгарский. Венгры максимально помнили свою историю только с волго-уральского этапа. Грубо говоря протовенгры были несколько иным народом чем венгры. Указание на Скифию как на свою прародину имеет своими корнями не венгерское устное предание, а латинскую ученность. Тем более, что так степной край называется в хронике Регинона Прюмского. Скифия в данном случае это синоним западноевразийских степей и в данном случае причерноморских степей. Полукочевые племена, бывшие венграми, вероятно переселились в Волжско-Уральский регион вместе с гуннами. Савиры или саварти-асфалы же йшли в хвосте переселений гуннов и огуров [41; 9, с. 448; 40, с. 140-182, 194-200; 47; 43, с. 71; 27, с. 43; 24, Глава 38].

Перед тем как прийти к каким-нибудь выводам мы должны ответить на вопрос, что вообще знали в Европе о финно-уграх на просторах Восточной Европы и Западной Сибири, а также вопрос этнических взаимодействий в этих регионах. Более-менее подробную картину отобразил Клавдий Птолемей, но локализация ним части народов Сарматии условна. После него несколько веков молчания, до написания труда Йордана. В «Гетике» мы находим ряд известных этнонимов: Thiudos, Merens, Mordens, Coldas. Однако кажущаяся простота не должна нас вводить в заблуждение. Так Thiudos по выводам В. Кулешова и Д. Мачинского это вовсе не чудь, а готский термин *þiuda* обозначающий народ, а отсюда *thiudas* народы. Этот же вариант прочтения предложил В. Напольских. *Thiudas Inaunxis* дословно должны обозначать народы в Аунусе (или Аунуксе, так финны называли Олонецкую Карелию). *Vasinabroncas* достаточно просто расшифровывается *Vas in Abroncas* – вепсы в Абронке. Абронк это ориентировочно Шексна, впадающая из Белоозера в Волгу. На Белоозере как раз летописи и локализуют летописную весь (вепсы). Перед нами определенный список этнонимов. *Merens* можно довольно легко отождествить с мерей. Касательно же этнонима *Mordends* то после него

есть *im Niscaris*. В. Напольских, Д. Мачинский и В. Кулешов считают более оправданным чтение *in Miscaris* и переводят как в Мещере, то есть Мордва в Мещере. Мещера и мурома должны были быть этнонимами исчезнувших рязано-окских финнов. Rogas Tadzans Athaul Д. Мачинский и В. Кулешов, то они переводят Athaul с Этелькузу (речная долина или страна), Rogas должно соответствовать мордовскому названию Волги Rava. Rogas Tadzans ориентировочно переводились как жители побережья Волги. Несколько иным было мнение И. Зиньковской. Она связывала памятники лбищенского типа в Самарском Поволжье и их исчезновение с вторжением гуннов. Нужно отметить, что в памятники безводинско-ахмыловских комплексов проникали крестовидные фибулы и поясы с птицевидными деталями, которые символизировали орла Вотана (так называемого готского орла). Список северных народов по мнению исследовательницы был актуален для IV в. Она в целом поддерживает гипотезы русских уралистов. Финно-угорскими она считала Vas, Merens, Mordens, готскими словами она считала Thiudos и Rogas Tansdans. По мнению Д. Мачинского и В. Кулешова Bubegenas Coldas это Bubo gentas, то есть люди филина. Такое предположение не кажется натянутым если взять во внимание вывод С. Ярцева латинизации Йорданом ряда этнонимов написанных на готском. И. Зиньковская же считала Bubegenas, Navego, Coldas этнонимами непонятного происхождения, а Athaul считала тюркизмом. Ей было раскритикованы попытки Т. Гринбергера и И. Корккинен переводить этнонимы с готского языка. П. Голден отождествлял Athaul с Волгой (Этилем). По мнению Д. Мачинского и В. Кулешова изображения человека-филина находят в Приуралье около Вишеры, Язьвы, Колвы. То есть Йордан мог знать пермян под прозвищем. В качестве рабочей гипотезы исследователи связывают Coldas с гидронимом Колва. В. Напольских локализовал Athaul на Нижней Волге и Куме, Nauezo между Доном и Кумой, а Bubegonas отождествил с черкесами-папагами. В целом можно согласиться с предположением Д. Мачинского, В. Кулешова и В. Напольских о существовании в Восточной Европе торгового пути в Раннем Средневековье. Тот же Прокопий Кесарийский упоминал о эстиях (пруссах) с берегов Балтийского моря, которые прибывали в цивилизованный мир по Янтарному торговому пути. Нужно отметить, что существовал донский путь соединяющий Среднее Поочье с Приазовьем. Важно также отметить взаимодействие разных культур в Восточной Европе. На материалах мощинской культуры (летописной голяди) заметно влияние вельбарской и черняховской культур восточногерманских племен. Заметны следы вторжений и оружие позднеантичного времени. События III-IV вв. наложили свой отпечаток и на древнюю мордву. Вследствие миграций андреевско-писеральского населения из Зауралья у местного населения сложилась профессиональная дружина. Участие сарматов, саргатцев и пьяноборцев в этногенезе древнемордовских племен было важным этапом. В. Ставицкий считает, что подчиненные сарматами пьяноборские и городецкие племена стали нижней социальной страты, в то время как иранцы заняли главенствующее положение. По мнению, А. Зубова и В. Гришакова именно саргатцы были главной движущей силой переселения племен из Зауралья и Прикамья в район Среднего Поволжья. Завоеватели-мигранты тяготели к лесостепям, а подчиненные ними аборигены к лесам. При этом они должны были пользоваться местной керамикой. С этим вероятно и связано иранское происхождение этнонимов мордва и удмурт и иранизмы в языках волжских и пермских финнов. Можно с уверенностью говорить, что ни мордва ни меря не входили в состав государства Германариха. В целом можно говорить о вторжении готов с юга в район Поволжья, но вот политической властью в этом регионе они вероятно не владели. Нужно сказать, что такой размах походов не должен нас удивлять. Предшественники Германариха осуществляли масштабные вторжения на Балканы и Анатолии принадлежащие куда более хорошо вооруженным и организованным римлянам [31, с. 46-63; 38, с. 30-40; 62, с. 40, 42; 20, с. 58-62; 50, с. 125-128; 49, с. 43-54; 48, с. 17-24; 47; 46; 21, с. 87-111; 63, р. 249-251; 40].

Касательно же археологической интерпретации, то летописным мере, веси, муроме должна соответствовать дьяковская культура, а прамордве городецкая культура и культура рязано-окских могильников. Этноним мещера, вероятно, был случайно зафиксирован Йорданом. Народам в Аунуксе (Аунусе) должны соответствовать карелы и северные группы вепсов. В археологическом отношении они соответствовали культуре древних карел и культуре курганов приладожского типа. Истоки древней мордвы лежали в городецкой культуре, однако стоит отметить вторжение в начале I тыс. н.э. вторжение народа индоевропейского (предположительно иранского сарматского) происхождения, которое оставило в Поволжье курганы андреевско-писеральского типа. Этноним мордва в славянских языках происходит от иранского *mard* (человек) или арийского *mirta* (человек). К нему близки мокшанские и эрзянские обозначения мужчины, а также волжско-пермское *merete*. Также возможно, что самоназвание эрзя происходило от древнеперсидского *aršān* (самец, муж, герой, богатырь). Этноним удмурт (*odo-mort*, в марийском одомари) же восходит к иранской форме *anta-marta* (в переводе житель пограничья, соседями волжских финнов и прапермян были восточноиранские сарматские племена). Уже в первой половине I тыс. выделились прамокшанский на юге и праэрзянский на севере культурный очаги. Территория обитания древнемордовских племен занимала все Сурско-Мокшанское междуречье от Верхнего Посурья и Верхнего Помокшанья до Волги в пространстве между устьями Оки и Суры. Близкими к древнемордовским племенам была мещера и мурома. Кстати, относительно муромы есть предположение В. Кулешова о этом этнониме как о балтизме. Вероятно, часть волжских финнов ощущала на себе влияние балтских культур.

В. Напольских вполне определенно говорит о проживании в Прикамье от Ика до Суры и от Кокшаги и Вятки до Самарской луки именковцев, которые были балто-славянами и относились к макро-балтскому ареалу. Балты в землях рязано-окских финнов должны были быть сравнительно быстро ассимилированы местным населением и язык мери и мещеры вероятно был одним из волжско-финнских. При этом экспансия балтов в финно-угорские земли должна была быть достаточно поздней. Так, что древнемордовские племена ощущали во внимание индоевропейских соседей. Касательно пермян, то исторические корни пермских народов лежат в ананьинском и пьяноборском времени. Вытесненные из лесостепей пермяне заняли лесную зону Приуралья. С ними можно отождествить азелинскую и гляденовские археологические культуры. Азелинская и городецкая археологические культуры оказали влияние и на марийцев. Ломоватовская культура продолжала традиции гляденовской культуры. На сложение неволинской и поломской культур по мнению ряда ученых оказали влияние пришлые саргатские и харинские элементы. Касательно же южных групп вепсов и мери, то на их становление должна была повлиять дьяковская культура. В. Ставицкий сопоставляет мерю с дьяковской культурой. Касательно археологической привязки некоторых культур, то И. Зиньковская указала, что не все археологические культуры доживают до времени списка северных народов, например, городецкая культура. Сами волжские финны перед оформлением в эрзю и мокшу перенесли ряд трансформаций. Сначала к крушению городецкой культуры привело вторжение саргатских племен. После этого на место андреево-писеральского типа пришла древнемордовская культура. Нужно сказать, что андреевско-писеральское население активно участвовало в войнах против Митридата Евпатора, что указывает на принадлежность части местного населения к сарматам. Среди населения Среднего Поволжья получили распространение шлемы среднесарматского периода. Андреевско-писеральское население было сильно милитаризованным и оставило своеобразный комплекс женского костюма. Саварты-асфалы до огуризации были одним из сарматских племен. Именно события I-II вв. н.э. сделали возможным, что

савиры стали известны Клавдию Птолемею. Рязано-окские финны ощущали влияние со стороны населения Верхнего Подонья, которое входило в состав гуннской конфедерации. А. Медведев считает это население антским. На Средней Оке рязано-окцы сражались против пришельцев с юга. Образование культуры рязано-окских могильников было связано с необходимостью противостоять врагу. Больших миграций на территории волжских финнов не найдено, что свидетельствует в пользу того, что они сдержали напор с юга. Однако запустели некоторые древнемордовские поселения, что свидетельствует об эпизодическом вторжении более южных народов. Культура рязано-окских могильников прекратила существование в VII в. н.э. вследствие вторжения кочевников. Вероятно, это связано с переселениями булгарских племен, поскольку для миграций венгров это слишком рано. Значительные изменения в судьбе древнемордовских племен же сыграло переселение в Среднее Поволжье предков волжских булгар. На месте же бывшей мазунинской культуры же образовались кушнаренковская и бакальская культуры, изгнав и уничтожив предыдущее население, оставив малый анклав в районе реки Белой. Кушнаренковская, бакальская, потчевашская культуры была продолжением пояса угорских культур, протянувшихся от Волги до Иртыша. Савиры были огуризированной группой саргатцев (угров и кочевых иранцев), которые были включены в гуннское объединение, а потом следовали в хвосте огурических миграций. А. Кушкумбаев считает, что древние венгры были последовательно включены в состав гуннской конфедерации, Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов. Он включал их в состав племен суварского круга племен западных тюрок. Также считал возможным плотное взаимодействие древних венгров с оногурами, сабирами, тюркютами и хазарами П. Голден. Позицию отрицания саргатского влияния в этногенезе древней мордвы заняли В. Вихляев и Г. Матвеева. Их ключевой аргумент местная керамика. При этом как-то теряется тот момент, что для кочевников не важно какой керамикой пользоваться. Перенять керамику местного населения они вполне могли. Однако предметы вооружения и дружинная организация отличались от местных традиций и саргатцы тяготели к лесостепным пространствам. В. Бейлекчи также отрицает, что мурома является балтизмом и убежден в его волжско-финнском происхождении. В поволжских республиках сторонники миграционизма противостоят автохтонистам. При этом нужно отметить, что этнокультурного взаимодействия с соседями вряд ли избег хотя бы какой-то этнос в материковой части Европы. Относительно изолированными являются этносы в горах и на островах, что к пермским и волжско-финнским народам не относится [35, с. 14, 20, 37-40, 43-44, 49-50, 55-57; 20, с. 61; 8, с. 162-163; 55, с. 42, 51; 50, с. 125-128; 49, с. 43-54; 46; 45; 48, с. 17-21; 33, с. 617-618; 21, с. 87-112; 25; 9, с. 162-170; 4; 3; 36, с. 195-203; 34; 37; 13, с. 252-269; 1; 63, р. 242-243; 2, с. 7-34; 32, с. 79-80; 28, с. 130-140].

Достаточно критичен к мнениям археологов Н. Егоров. Он предлагал вместо множество терминов, употребляющихся археологами, использовать термин финно-угорский относительно добулгарского субстрата. Крайние территории древней мордвы проходили по Суре, а древних марийцев по Ветлуге и Вятке. Исследователь говорит о праудмуртской общности, опираясь на тех же археологов. Как показало исследование С. Белых, можно говорить о археологических культурах на основе традиций которых сложился удмуртский этнос, который выделился из пермской общности достаточно поздно – в XIV-XV вв. Касательно угорского компонента, то чувашский исследователь не совсем прав утверждая будто бы он введен Й. Буденцом в 1895 г. Термин Угры, как и Пермь, летописный, другое дело, что в современном значении в лингвистической литературе он действительно появился в XIX в., а первоначально термин угры в славянских языках обозначал как венгров, так и огуров. Со стороны чувашского исследователя некорректно говорить о ванвиздинской, ломоватовской, неволинской и полумской культур как о обско-угорском наследии. Как показывают современные

археологические исследования в формировании неволинцев, ломоватовцев и полумцев приняли угры. Североугорские группы же достаточно поздно проникли на западные склоны Урала. Н. Егоров пришел к парадоксальным выводам, что оказываются летописные угры (в византийских хрониках уроги) это оногуры и шире огуры. Он апеллирует к уже несколько устаревшей работе В. Радлова конца XIX в. Конечно, огуры оказали большее влияние на этногенез венгров и вероятно в славянской традиции уграми назывались, что венгры, что огуры [17, с. 47-65; 18; 4; 6, с. 119-124; 57, с. 85-105; 19].

Отдельным вопросом является история переселений в Предуралье. Некоторые ученые склоны предполагать, что они происходили еще до эпохи Великого Переселения народов. А. Белавин, Н. Крыласова, В. Иванов считают, что носители гафурийской культуры были уграми и они проникали на территорию карабызской культуры приняв участие в формировании ее население. Гафурийцев связывают с саргатско-гороховской общностью. Они же приняли участие в формировании прохоровцев (сарматов). Эти события происходили несколько сот лет до Рождества Христова. Вышеописанные миграции произошли в IV-III вв. до н.э. Позднеананьинские племена ассимилировали переселенцев с востока и прохоровцев проникших в район рек Белой и Уфы. В результате этих процессов возникла пьяноборская культура финальную стадию которой выделяют в отдельную мазунинскую культуру. Периодически население Волго-Уральского региона ощущало вливания со стороны кочевников. К трансформации пьяноборской культуры в мазунинскую были причастны поздние карабызцы. В эпоху Великого Переселения народов, то в сложении мазунинского и раннебахмутинского населения принимали участие турбаслинцы и кушнарниковцы. Также отмечалось проникновение населения харинской культуры. Р. Голдина указывает, что при сложении ломоватовской культуры принял участие пришлый элемент из Западной Сибири, носители которого оставляли после себя курганы. Касательно сложения неволинской культуры, то там также указано на проникновение иноэтничного населения из Сибири и конкретизировано, что это были саргатцы. Вообще саргатцы как субстрат вошли в состав неволинской, сылвенской и бакальской культур. Также они приняли участие в этногенезе караякуповской и кушнарниковской культур. Было два пути переселений саргатских племен. Первый проходил от верховий Миасса до Месягутовской степи по долине реки Сим в бассейн реки Белой. Второй путь шел через Сылвенско-Чусовской коридор. Мигранты довольно удобно чувствовали себя в новых условиях, поскольку сами были лесостепным коневодческим населением. Они враждовали карабызцами (вероятно, сарматами) и постгладеновским (пермским) населением. В IX в. неволинцы оставили Кунгурскую лесостепь. В середине V в. через Сылвенско-Чусовский коридор в Пермское Предуралье проникло пришлое население из Западной Сибири, которых археологи обыкновенно именуют харинцами. Они приняли участие в сложении ломоватовской культуры. Эти группы населения отличались от кушнарниковцев тем, что последние вели более подвижный образ жизни. Кушнарниковцы расселились в низовьях рек Белой и Ик, в районе Камско-Бельско-Икской поймы. У кушнарниковцев обнаружена поясная гарнитура геральдических типов, которая указывает на южные связи кушнарниковцев (контакты с огурскими племенами, тюркютами и хазарами). А. Белавин, В. Иванов и Н. Крыласова считают возможным говорить о участии угров в войнах тюркютов. В Зауралье после выселения саргатского населения идет упрощение социальной структуры, ослабляется оборонная система городищ и снимается военное напряжение бывшее до того. В VIII в. в Приуралье приходит очередная волна мигрантов, которых археологи называют караякуповцами. Таким образом протовенгры могли быть лишь одним из многих саргатских племен, на которых в разной степени могли воздействовать сарматы и гунны. Нужно сказать, что геральдическая поясная гарнитура также была характерна и для

неволинцев, ломоватовцев и поломцев и они приняли участие в этногенезе волжских булгар. Так или иначе древние венгры и угры ощущали тесную связь с степью и огурскими кочевниками. В некотором отношении близким к позиции ижевских исследователей является мнение пермского ученого Д. Шмуратко, который не прослеживает саргатского влияния в Прикамье, а с харинцами связывает позднесарматское население. Он не находит угорского следа в харинских памятниках, считая харинцев сарматами. Исследователь предпочитает осторожно говорить о южном влиянии на Прикамье в эпоху Великого переселения народов. Вряд ли саргатцы были исключительно уграми и древними венграми. Думается, что в составе саргатцев большую роль играл иранский кочевой элемент, который играл также значительную роль и в этногенезе огуров (в значительном влиянии иранцев на булгар убежден болгарский ученый Р. Рашев) [5, с. 46-73, 78-83; 23, с. 19-38; 16; 58, с. 100-105; 60, с. 66-71; 59, с. 209-217; 57, с. 120-126].

Выводы. Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Саргатцы были большой общностью племен разного этнического происхождения – южноугорского (протовенгерского) и иранского. Они доминировали над соседними как кочевыми, так и оседлыми племенами, в Западной Сибири и были опасными соседями саков и сарматов. Миграция части саргатцев в I-II в. н.э. в Среднее Поволжье привела к ряду трансформаций в этнической и социальной истории этого региона. Саргатское влияние ощутили, как волжско-финские племена в общем, так и в частности древнемордовское население. Крушение саргатской культуры произошло во время миграций хуннских племен и образования гуннского этноса. Часть саргатцев была включена в состав гуннского союза племен и стала известна современникам как савиры. Они подверглись сильной огуризации. Протовенгры не были савирами, а всего лишь их родственниками. Огурское влияние было заметно и на древних венграх. Часть саргатцев в IV-VI вв. переселилась в район Приуралья и Прикамья. Несмотря на тесные связи и сабиров, и протовенгров с тюрками отождествлять их между собой нельзя. Переселения I-III вв. и памятники андреевско-писеральского типа в большей мере были связаны с сарматами. Древневенгерские племена были лишь одними из многих племен саргатцев. Самоназвание мадьяр же было одним из этнонимов в составе древневенгерского этноса. Общее самоназвание древних венгров нам неизвестно, и мы имеем только экзоэтнонимы. Летописный термин угры обозначал как южноугорские венгерские группы, так и огуров в славянской исторической традиции.

SABIRS AND PROTO-HUNGARIANS: IS IT POSSIBLE IDENTIFICATION?

Pylypchuk Ya. V.
Kyiv, Ukraine

Abstract. Research objects: to analyze the information of archaeological research on the Ugric ethnic groups of Western Siberia and the Urals. Research materials: written sources (mainly ancient and Byzantine), archaeological researches, linguistic researchers. Results and scientific novelty: Sargatssy were a big community of tribes of different ethnicity – Ugric and Iranian origin. They dominated both neighboring nomadic and settled tribes in Western Siberia and were dangerous neighbors of Sakas and Sarmatians. The migration of the sargatssy in the I-II century AD in the Middle Volga region has led to a series of transformations in the ethnic and social history of this region. Sargatka influence felt as the Volga-Finnic tribes in general, and in particular Ancient Mordovian population. Crash of Sargatka culture take place during migration Xsiong-nu tribes and formation of Huns and Hun confederation. Part of Sargatssy was included in the Hun tribal alliance and became known to contemporaries as the Sabirs.

They were subjected to strong Ogurization. Protohungarian not were Sabirs, but only of their relatives. Ogur influence was noticeable in ancient Hungarians. Part of Sargatsy in the IV-VI centuries AD moved to the area of Ural and Kama. Despite the close ties and Sabirs and Protohungarians with Turks identify them together is not possible. Migration of I-III centuries AD and monuments of Andrew-Piseral'sk type been associated with the Sarmatians, but although a certain amount of participation of forest-steppe Proto-Hungarians. Ancient Hungarian tribes were only some of the many tribes sargatsy. Magyars it was one of ethnonyms as part ancient hungarian ethnos. We do not know total self of ancient Hungarians and we have only eqso-ethnonyms. Chronicle term Ugry designated as Ancient Hungarian groups and Ogurs in Slavic historical tradition.

Key-words: Ugrians, Proto-Hungarians, Sargatka culture, sargatsy, Sabirs, Ogurs.

REFERENCES

1. Akhmedov I.R. Kompleks predmetov s gorodishha Dolmatovo Starozhilovskogo rajona Rjazanskoj oblasti [The complex of objects from the settlement Dolmatovo, Starozhilovsky district, Ryazan region]. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-194931.html> [in Russian].
2. Akhmedov I.R. Problema final'nogo perioda kul'tury rjazansko-okskih finnov [The Problem of final stage of culture of Ryazan-Oka Finns] *Arheologija Vostochnoj Evropy v I tys. n.je.: problemy i materialy. Ranneslavjanskij mir. Slavjane i sosedj. M.: Institut arheologii RAN, 2001. pp. 7-34. [in Russian].*
3. Bejlekchi V.V. O finno-ugorskih toponimakh v Muromskom Pooch'e [About Finno-Ugrian Toponymy in Murom region Oka bassin] http://merjamaa.ru/news/v_v_bejlekchi_o_finno_ugorskich_toponimakh_v_muromskom_pooch_e/2014-12-03-960 [in Russian].
4. Bejlekchi V.V., Rodin V.V. Poselenija plemeni muroma (u istokov problemy). <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/341> [Settlements of tribe Muroma (at the source of problem)].
5. Belavin A.M., Ivanov V.A., Krylasova N.B. Ugry Predural'ja v drevnosti i srednie veka [Ugrians of Cis-Ural region in ancient time and Middle Ages]. Ufa: Izdatel'skij dom BGPU, 2009. - 275 S., 79 ill. [in Russian].
6. Belykh S.K. Problema raspada prapermskoj etnojazykovoj obshhnosti. [The problem of the collapse of the pra-Perm ethnic language community] Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2009. - 150 S. [in Russian].
7. Bichurin N.Ja. Sobranie svedenij o narodah obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times.]. T. 3. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, Institut jetnografii im. Mikluho-Maklaja, 1953. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/karten.htm [in Russian].
8. Velikaja step' v antichnyh i vizantijskih istochnikah [The Great Steppe in ancient and Byzantine sources]. Almaty: Baur, 2005. 1306 p. [in Russian].
9. Vihl'jaev V.I. Rasselenie mordvy v III v. – nachale XIII v. [Resettlement of the Mordovians in the 3rd century - beginning of the 13th century] *Povolzhskaja arheologija. - № 2 (4). Kazan': Institut arheologii im. A.H. Halikova AN RT, 2013. pp. 162-170. [in Russian].*
10. Vostroknutov A.V. Ugorskij vopros v sovremennoj predural'skoj arheologii i problemy kartografirovanija [Ugric issue in modern Cis-Ural archeology and the problems of mapping] *Trudy Kamskoj arkheologo-etnograficheskoy ekspedicii. № 9. Perm': Permskij gosudarstvennyj gumanitarno pedagogicheskij universitet, 2014. pp. 94-99. [in Russian].*
11. Glazov I. A. Problemy izuchenija vooruzhenija sargatskoj kul'tury [The Problem of study of weaponry of Sargatka culture] *Pamjatniki arheologii i hudozhestvennoe tvorcestvo.*

- Materialy osennego kollokviuma. Omsk: OmGPU, 2004 <https://web.archive.org/web/20090126020439/http://annals.xlegio.ru/sibir/small/glazov.htm#> [in Russian].
12. Goldina R.D. Lomovatovskaja kul'tura v Drevnem Prikam'e [Lomovatovo culture in Ancient Kama region]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1985. 279 p. [in Russian].
 13. Goldina R.D. Drevnjaja i srednevekovaja istorija udmurtskogo naroda [Ancient and Medieval history of Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2004. 422 S. [in Russian].
 14. Goldina R.D. Nevolinskij mogil'nik VII-IX vv. v drevnem Predural'e [Nevolin burial ground VII-IX centuries. in the ancient Predurale.]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2012. 472 p. [in Russian].
 15. Goldina R.D. Nekotorye zamechanija otnositel'no formirovanija teorii ugorskogo prisutstvija v Predural'e v jepohu Srednevekov'ja [Some comments on the formation of the theory of Ugric presence in the Cis-Ural in the Middle Ages] II mezhdunarodnyj mad'jarskij simpozium. - Ekaterinburg: Rifej, 2013. pp. 89-109 [in Russian].
 16. Goldina R.D., Napol'skih V.V. Ugorskaja epokha v istorii Prndural'ja: nauchnaja gipoteza ili istoriograficheskiy kazus [Ugric era in the history of the Cis-Ural: scientific hypothesis go historiographic incident]. <http://bashkorttar.ru/?p=3215> [in Russian].
 17. Egorov N.I. Ob ogurskoj probleme [About the Ogur problem] // II Mad'jarskij simpozium, 13-17 avgusta 2013 g. Cheljabinsk: Rifej, 2013. pp. 47-70 [in Russian].
 18. Epifanij Premudryj. Slovo o zhitii i uchenii svjatogo otca nashego Stefana episkopa Permskogo [A word about the life and teachings of our holy father Stephen Bishop of Perm.]. http://www.krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html [in Russian].
 19. Zherebcov I.L. Lomovatovskaja i Vanvizdinskaja kul'tury [Lomovatovo and Vanvizdino cultures]. <http://www.komi.com/folk/komi/66.htm>.
 20. Zin'kovskaja I.V. K voprosu ob istoriko-arheologicheskoj identifikacii odnogo iz severnyh narodov u Iordana [To the question of historical and archaeological identification of one of the northern peoples at the Jordan] Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. № 2-1. T. 11. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2011. pp. 56-63 [in Russian].
 21. Zubov S. Voinskie migracii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I-III v. n.je.). Migracionnye processy v formirovanii novoj jetnokul'turnoj sredy po materialam arheologicheskikh dannyh [Military migrations of the Roman time in the Middle Volga region (I-III century AD). Migration processes in the formation of a new ethnocultural environment based on archaeological data.]. Saarbrücken: Lambert academy publishing, 2011. 207 p. [in Russian].
 22. Ivanov A.G. Jetnokul'turnye i jekonomicheskie svjazi naselenija bassejna reki Chepcy v jepohu Srednevekov'ja (konec pervoj poloviny V – pervaja polovina XIII v.) [Ethnocultural and economic relations of the population of the Cheptsya river basin in the Middle Ages (end of the first half of the 5th - first half of the 13th century).]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury, 1997. 309 p. [in Russian].
 23. Ivanov V.A. Drevnie ugry-mad'jary v Vostochnoj Evrope [The ancient Ugrians-Magyars in the Eastern Europe]. Ufa: Gilem, 1999. 123 p. [in Russian].
 24. Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlennii imperiej [About government of Empire] / Per. pod. red. G. G. Litavrina, A. P. Novosel'ceva. M.: Nauka. 1991. 496 p. http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml?id=6397 [in Russian].
 25. Kuleshov V.S. O proishozhdenii jetnonima muroma i o toponimah Muromskoj okrugy [On the origin of the ethnonym Murom and on the toponyms of Murom district]. <http://www.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-v/o-proishozhdenii-etnonima-muroma> [in Russian].

26. Kuleshov V. S. Jugorskoe obshhestvo V–XV vv.: model' sakral'noj jekonomiki, arheologicheskaja atribucija i problema jetnicheskoj prinadlezhnosti [Ugra society of the 5th – 15th centuries: a model of sacred economy, archaeological attribution and the problem of ethnicity] // Trudy Kamskoj arheologo-jetnograficheskoy jekspedicii. Vyp. XII: Srednevekovaja arheologija Vostochnoj Evropy: ot Kamy do Dunaja. Sbornik nauchnyh trudov k 50-letnemu jubileju N. B. Krylasovoj. Perm': Permskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet, 2017. pp. 74-89 [in Russian].
27. Kushkumbaev A.K. Mad'jary, tjurki, kypchaki. Istoricheskaja svjaz' skvozz' tysjacheletija [Magyars, Turks, Kipchaks. The historical connection through the millennium.] // Iran-name. - № 3 (19). Almaty, 2011. pp. 37-77. [in Russian].
28. Malashev V.Ju. Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury juzhnoural'skih stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ja i Priural'ja [Some aspects of the contacts of the carriers of the Late Sarmatian culture of the South Ural steppes with the population of the forest and forest-steppe zone of the Volga and Ural regions] // Ufimskij arheologicheskij vestnik. Vyp. 14. Ufa: Gilem, 2014. pp. 130-140. [in Russian].
29. Matveeva N. P. Sargatskaja kul'tura na Srednem Tobole [Sargatka culture on the Middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka, 1993. 172 p. [in Russian].
30. Matveeva N. P. Materialy k paleodemograficheskoy harakteristike Sargatskoj obshhnosti [Materials for the paleodemographic characteristics of the Sargatka community] Vestnik arheologii, antropologii i etnografii : zhurnal. № 2. Tjumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 1999. http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a2/2-mat.pdf [in Russian].
31. Machinskij D.A., Kuleshov V.S. Severnye narody serediny IV — pervoj poloviny VI v. v «Getica» Iordana [Northern peoples of the middle of IV - the first half of the VI century. in "Getica" of Jordan] Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chtenija pamjati Anny Machinskoj. Staraja ladoga, 21-23 dekabnja 2003 g. SPb.: Nestor-istorija, 2004. pp. 26-72. [in Russian].
32. Medvedev A.P. Ob jetnokul'turnoj prinadlezhnosti pamjatnikov gunnskogo vremeni na Verhnem Donu [About ethnocultural affiliation of the monuments of the Hunnic time in the Upper Don] Problemy istorii i arkenologii Ukrainy. Materialy V mezhdunarodnoj konferencii (Khar'kov, 4-6 nojabnja 2004 g.). Khar'kov: NMC MD, 2004. pp. 79-80. [in Russian].
33. Mjasnikova O.S. Mordva v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Mordovians in epoch og Great Migrations] Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. № 3-2. T. 16. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo centra RAN, 2014. pp.617-619 [in Russian].
34. Napol'skih V. Balto-slavjanskij jazykovoj komponent v Nizhnem Prikam'e v ser. I tys. n.je. [The Baltic-Slavic language component in the Lower Kama region in middle of I millennium AD] <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/baltoslav.pdf> [in Russian].
35. Napol'skih V.V. Vvedenie v istoricheskiju uralistiku [Introduction on Historical Uralistic]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 1997. 257 p. [in Russian].
36. Napol'skih V.V. Predistorija narodov ural'skoj jazykovoj sem'i [Prehistory of peoples of Uralic language family] Istorija tatar s drevnejshih vremen. T. 1. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti. Kazan' : Ruhijat, 2002. pp. 195-203. [in Russian].
37. Napol'skih V.V. K rekonstrukcii lingvisticheskoy karty Centra Evropejskoj Rossii v rannem Zheleznom veke [To the reconstruction of linguistic map of centre of European Russia in Early Iron Age] Art. № 4. Syktyvkar, 2007. <http://artlad.ru/magazine/all/2007/4/130/145> [in Russian].
38. Napol'skih V.V. Spisok narodov Germanariha – Gotskij put' ot Ladogi do Kubani [List of people of Germanarich – Gothic way from Lagoda to Kuban'] Ural'skij istoricheskij vestnik. № 2 (35). Ekaterinburg: UrO RAN, 2012. pp. 20-30. [in Russian].

39. Pastushenko I.Ju. Vozmozhno li govorit' o ugorskoj jepohe v Prikam'e [Is it possible to talk about the Ugric era in the Kama region?] Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Vyp.1. Istorija i Filologija. - Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2011. pp. 144-150 [in Russian]
40. Povest' vremennyh let [Tale of the past years]. <http://old-russian.chat.ru/01povest.htm> [in Russian].
41. Skazaniya Priska Panijskogo [Tales of Prisc from Panius] / Per. S. Destunisa. SPb., 1860. 112 s. (ottisk iz: Uchenye zapiski Vtorogo otdelenija Imperatorskoj Akademii Nauk. Kn. 7, vyp. 1. SPb.: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1861. pp. 408-457 <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frameText21.htm> [in Russian].
42. Rastoropov A.V. Voprosy rannej etniceskoj istorii vengrov-mad'jar [Questions of the early ethnic history of the Magyar-Hungarians] Povolzhskaja arheologija. № 1 (11). Kazan': Institut arheologii im. A.H. Halikova AN RT, 2015. pp. 70-90 [in Russian].
43. Savel'ev A.V. Bulgarizmy v hantyjskom (s diskussionnymi kommentarijami A. Rona-Tasha) [Bulgarisms in Khanty (with discussion comments by A. Ron-Tasha)] Uralo-Altajskie issledovanija. № 3 (10). M.: Institut jazykoznanija RAN, 2013. pp. 66-75 [in Russian].
44. Solov'ev A.I. Oruzhie i dospehi. Sibirskoe vooruzhenie ot kamennogo veka do srednevekov'ja. [Weapons and armor. Siberian weapons from the Stone Age to the Middle Ages.] Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003. 219 p. <http://history.novosibdom.ru/node/43><http://history.novosibdom.ru/node/44> [in Russian].
45. Stavickij V.V. Rol' Kamskogo naselenija v formirovanii drevnej mordvy [The role of Kama people in formation of Ancient Mordovians] <http://human.snauka.ru/2014/12/8337> [in Russian].
46. Stavickij V.V. Osnovnye koncepcii jetnogeneza mordvy [Main conceptions of genesis of Mordovians] http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2009/2009_6_261_266.pdf [in Russian].
47. Stavickij V.V. U istokov jetnogeneza drevnej mordvy [At the sources of genesis of Ancient Mordovians]. http://e-notabene.ru/hr/article_13161.html [in Russian].
48. Stavickij V.V. Volzhskie finny v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Volga Finns in epoch of Great Migrations] Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. № 4 (32). 2014. S. 17-24. [in Russian].
49. Stavickij V.V. Proishozhdenie drevnemordovskoj kul'tury [The Origin of Ancient Mordva Culture] Vestnik NII pri pravitel'stve Respubliki Mordovija. № 1 (33) Saransk: Izd-vo NII pri pravitel'stve Respubliki Mordovija, 2015. pp. 42-57. [in Russian].
50. Stavickij V.V., Stavickij A.V. Ob urovne social'noj differenciacii volzhskih finnov v jepohu rannego zheleza [On the level of social differentiation of the Volga Finns in the Early Iron Age] P.A. Stolypin: stanovlenie i reformirovanie russkoj gosudarstvennosti. Materialy I Mezhdunarodnoj (II Vserossijskoj) nauchno-praktičeskoj konferencii posvjashchennoj 150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Stolypina. 5-6 aprlja 2012 g. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj kraevedčeskij muzej, Penzenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. V.G. Belinskogo, 2012. pp. 119-130. [in Russian].
51. Tataurova L. V. K voprosu o severnyh svjazjah sargatskoj kul'tury [To the question of northern connections of Sargatka culture] Vzaimodejstvie sargatskich plemen s vneshnim mirom. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 1998. pp. 39-46. [in Russian].
52. Tataurova L. V., Tolpenko I. V. Sargatskaja i kulajskaja kul'tury: problemy vzaimodejstvija [Sargatka and Kulay cultures: problems of interaction] Itogi izučenija skifskoj jepohi Altaja i sopredel'nyh territorij. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 1999. pp. 176-180 [in Russian].
53. Fodor I. Zapadnosibirskaja arheologija v trudah vengerskich issledovatelej [Western-Siberian Archaeology in works of Hungarian researchers] Vestnik Tomskogo

gosudarstvennogo universiteta. № 3 (23). Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. pp. 305-309 [in Russian].

54. Hajdu P. Ural'skie jazyki i narody [Uralic languages and Peoples]. M.: Progress, 1985. 432 S. <http://www.libed.ru/knigi-nauka/808394-1-izdatelstvo-progress-hajdu-peter-urali-nyelvek-nepek-peter-haydu-uralskie-yaziki-narodi-perevod-vengerskog.php> [in Russian].

55. Cembaljuk S. I. K voprosu ob jetnicheskoj interpretacii sargatskoj kul'tury [To the question of ethnic interpretation of Sargatka culture] Problemy vzaimodejstvija cheloveka i prirodnoj sredy: Materialy itogovoj nauchnoj sessii uchjonogo soveta Instituta problem osvoenija Severa SO RAN 2003 g : sbornik. Vyp. 5. Tjumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 2004. pp. 99-102. <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DM/1-cem.htm> [in Russian].

56. Chikunova I. Ju. Hozjajstvo i byt naselenija Sargatskoj kul'tury Pritobol'ja [Economy and life of the population of the Sargat culture of the Tobol region] // Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Special'nost'. 07.00.06. Arheologija. - Tjumen': RAN SO, Institut problem osvoenija severa, 2006. [in Russian].

57. Shmuratko D.V. Prikam'e v epokhu Velikogo pereselenija narodov, etnokul'turnye vlijanija? [Kama region in epoch of Great Migration, ethnoculture influences?] Vestnik muzeja arkheologii i etnografii Permskogo Priural'ja. Perm': Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo gumannitarno-pedagogicheskogo universiteta, 2006. pp. 120-127 [in Russian].

58. Shmuratko D.V. Etnokul'turnaja situacija v Prikam'e v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Ethnocultural situation in epoch of Great migrations] Izvestija Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta im. A.G. Gercena. № 126. SPb: Izd-vo Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta im. A.G. Gercena, 2010. - pp. 100-107 [in Russian].

59. Shmuratko D.V. Territorija Srednego Prikam'ja v rannem srednevekov'e (staticheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov) [Territory of Middle Kama region in Early Middle Ages (statistic analysis of burial complexes)] Vestnik NGU. Serija: Istorija. Filologija. Tom. 10. Vyp. 7: Arheologija i etnografija Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2011. pp. 209-218 [in Russian].

60. Shmuratko D.V. Mogil'niki Kharinskogo tipa s territorii Severnogo Priural'ja [Burials of Kharino type from territory of Northern Ural region] Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. № 3 (26). Novosibirsk: Nauka SO, 2014. pp. 66-72 [in Russian].

61. Shusharin V.P. Rannij etap etnicheskoj istorii vengrov [Early Stage of Ethnic history of Hungarians]. M.: ROSSPJeN, 1997. 512 p. [in Russian].

62. Jarcev S.V. Eshhe raz o spiske narodov Jermanariha [One more time about of list pf peoples of Germanarich] Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. № 21 (192). T. 32. Belgorod: Izd-vo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. pp. 35-42 [in Russian].

63. Erdelyi I., Mihaly B. The Sargatka culture and the Huns //Global-Turk. № 3-4. Astana: Tjurkskaja akademija, 2015. P. 103-115 [in English].

64. Golden P.B. The peoples of the Russian forest belt // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge UK.: Cambridge University Press, 1990. pp. 229-255 [in English]

65. Rona-Tas A. Hungarians and Europe in Early Middle Ages. Budapest: CEU Press, 1999. 566 p. [in English].

Information about the authors:

Yaroslav V. Pylypchuk, Phd of History, Senior lecturer of department of history and archaeology of Slavs of history faculty of National pedagogical university n.a. M.P. Dragomanov, (Ukraine, Kyiv, Osvity street, building 6, room 24), e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com